

Чтеная книга

РУСАЛОЧЬИ ТАЙНЫ

или что значит быть серьезным автором

Пьесу «Сестра моя Русалочка» Людмила Разумовская написала в 1985 году. В последнем монологе Русалочки есть такие слова: «Убей его!.. Как это просто! Убить того, который не узнал! Не понял, не услышал, не полюбил, любовью не ответил! Который предал! Да, который предал... Убить его... Но разве это не означает — убить себя? Вот и разгадка! О любовь, как намертво соединяешь ты влюбленных! Он — это я. Я — это он. И в этой неразделенности — вся тайна и вся разгадка любви...»

Русалочка в сказке Андерсена, лаконичной по языку, не произносит таких слов. Но в речи героев пьесы появляется та христианская мотивация их поступков, которая зашифрована Андерсеном в притчу. Это тем более удивительно, что тогда автор сценического переложения самой пронзительной из сказок, кстати, неудавшегося драматурга Андерсена, еще не держала в руках Евангелия.

Вот как вспоминает она о начале своего христианского пути: «Я крестилась в двадцать лет совершенно неосознанно. Просто мне показалось, что все мои несчастья (после школы я несколько лет пыталась поступить на актерский и меня не брали), может быть, оттого, что я еще не крещеная. И вот, не сдав в очередной раз в Москве экзаменов, я поехала в Лавру и очутилась на празднике преп. Сергия. Крестил меня молодой иеромонах по имени Адриан. Но, к великому моему сожалению, после крещения никто не сообщил мне ничего ни о вероучении, ни о заповедях Божьих, ни о том, как положено жить христианину. Помню, как в Лаврском садике на скамейке о. Адриан читал мне какую-то толстую книгу, что-то об антихристе, а потом подарил мне тридцать рублей, что по тем временам было приличной суммой, и я поехала в далекий город Армавир устраиваться в... театр. В артистки „без образования“. И все остальные годы я, уже крещеная, прожила как некрещеная...»

Лет двадцать спустя, в 1986 году, моя московская подруга, учившаяся со мной в институте, вдруг сообщила, что она крестилась, и не просто так, а серьезно, пройдя катехизаторские курсы. Для меня это был шок. Хотя к тому времени я уже написала пьесу „Сад без земли“, в которой христианские мотивы покаяния звучали довольно сильно и определенно, но, очевидно, как и для многих, христианство для меня тогда было не жизнью, но лишь некой культурной традицией. А может быть, душа, которая „по природе своей христианка“, сама выводила меня из дебрей „бессознательности“ на Путь и Истину, и Жизнь...

Воцерковление мое происходило очень медленно. Прошло несколько лет, прежде чем я пошла на первую, так сказать, генеральную исповедь. У меня было такое чувство, что если я не исповедуюсь, я не смогу боль-

ше жить. Был 1990 год. И, как всякому неوفиту, который впервые начинает поглощать духовную литературу, погружается в новый для него мир, мне вдруг представилось все это наше творчество совершенно не важным. Казалось, после Евангелия, после Святых Отцов — ну что можно еще сказать? И зачем? Хотя, если посмотреть на даты написания пьес, то перерыва практически не было, просто установилась новая иерархия ценностей... И, конечно, несмотря на разнообразную о себе „мечтательность“, со временем начинаешь трезво понимать, что каждый должен оставаться „в том звании, в котором призван“».

Для того, чтобы понять свое призвание, Людмиле Разумовской не понадобилось много времени. После окончания Высших театральных курсов она дебютировала с пьесой «Дорогая Елена Сергеевна». Грандиозный успех этой пьесы определил ее дальнейшую судьбу. Историю ее написания Людмила Николаевна определяет как самую банальную. Шел 1980 год. Министерство культуры заключило договор с выпускниками курсов (там было всего пять драматургов) написание пьес. Каждому выдали по пятьсот рублей аванса. Пьесу надо было выдержать в определенном идеологическом русле. Ей дали задание осветить наиболее злободневную тему трудных подростков. Тема эта в круг интересов автора совсем не вписывалась. Вскоре деньги были прожиты, неумолимо приближалось время отчета. И вот здесь случилось нечто. Она решила посмотреть выставку Михаила Сомова в Русском музее. По какой прихотливой цепи ассоциаций утонченный эстетизм Сомова преобразился в утонченный порок подростков — не ответил бы и Фрейд. Был солнечный августовский день. Она вышла из музея, села на лавочку, и в голове возник тот самый сюжет. И это все. В истории создания смелой, даже дерзкой, как писали журналы того времени, пьесы, которая несколько лет была под запретом, нет ничего героического.

«Для меня никогда не стояло вопроса о какой-то особенной смелости, чему впоследствии некоторые удивлялись и даже восхищались. Я пишу то, что мне интересно, и так, как для меня органично. Возможно, я не боюсь оттого, что меня всерьез никто не пугал. Не знаю, как бы я повела себя действительно в экстремальной ситуации настоящей угрозы, но пока Бог миловал», — комментирует Людмила Разумовская отклики критиков того времени.

Вот уже более четверти века по всему миру идут спектакли по пьесе «Дорогая Елена Сергеевна». Сейчас ее ставят во второй раз в Корее и в Греции, во Франции только что сняли по этой пьесе фильм, в Польше — телефильм. Пьеса стала визитной карточкой драматурга. В 90-е годы в Германии, благодаря шумным постановкам «Дорогой Елены Сергеевны» на немецкой сцене, почти все пьесы Разумовской были переведены и большая часть поставлена. Среди них очень жесткая пьеса «Конец восьмидесятых» и «Житие Юры Курочкина», которые очень значимы для самой Людмилы Николаевны, никогда не были поставлены в России на русском языке.

Сегодня не верится, что пьесы Людмилы Разумовской с трудом прокладывали себе путь на сцену. Для нее не было борьбы, никогда не возникало желания прославиться. Театр виделся «кафедрой», с которой можно

много добра и правды сказать миру, как утверждал, кажется, Гоголь (или Белинский?). Ее кумирами из XIX века были Мочалов, Ермолова, Комиссаржевская, из XX — Художественный театр. Ей хотелось быть актрисой такого театра, принести себя в жертву искусству. Жертва эта, слава Богу, не была принята, и она с горя пошла в театроведы, а потом в драматурги. И вот сегодня дебют в новом качестве.

Первый роман Людмилы Разумовской «Русский остаток» — результат раздумий последних десяти лет. Она еще не совсем оставила мысль о театре. Ее последняя пьеса «Маленький хеллоуин в городе О.» написана в 2004 году в жанре фарса — совсем нехарактерном для этого автора. Однако театр все дальше уходит из ее жизни. Она и раньше не испытывала внутренней зависимости от того, ставят ее пьесы или нет, но все же «если пьеса не поставлена, считай, что ее нет». С прозой иначе, можно и в стол писать. Несколько слов о новом романе. Он написан вполне в духе всех пьес Разумовской: драматично, с детальной выделкой характеров, без оглядки на цензоров и критиков, словом, искренне и честно. И все же есть нечто новое и для самой Людмилы Разумовской в этой работе — появилась перспектива исторического времени. Вот как она объясняет происшедшую перемену:

«В последнее десятилетие я стала интересоваться другими вещами. Хотя уже и в пьесах 90-х годов меня волновали не только внутренние проблемы личности, но и социума, в котором эта личность существует, все же не хватало какой-то целостной, всеобъемлющей картины мира. И вот, на основании многого прочитанного о двадцатом веке, постепенно стала вырисовываться цельная картина трагических катастроф в жизни нашей страны и нашего народа, начиная с февральского бунта и заканчивая „перестройкой“ и всем, что за ней последовало. Мой взгляд на все эти события основан на православном понимании истории, и я прекрасно отдаю себе отчет в том, что для многих, если не для большинства, такой „недемократический“ взгляд неприемлем.

Главная тема романа заявлена в его названии. Я пишу о людях, приходящих ко Христу. О том остатке русского народа, который желает со Христом спасения. В наше беспрецедентно духовно выхолощенное и лукавое время, беременное хаосом и небытием, выбор каждого человека, как и выбор всего русского народа, — есть выбор между жизнью и смертью. Все остальные темы романа, включая „сталинскую“, рассматриваются в ключе отступления русского народа от Бога и наказания за это отступничество. Сохранить верность Христу — главная задача нашего времени для „русского остатка“».

Знающие Людмилу Разумовскую смолоду утверждают, что у нее всегда был печальный взгляд больших зеленых глаз — совсем русалочий. Таким он остался и теперь — мягко, но внимательно следящий за изменениями человеческого сердца.

Т. Ковалькова